

К. В. Голенко

ЕЩЕ О МОНЕТАХ, ПРИПИСЫВАЕМЫХ САВМАКУ

В ПЕРВОМ номере ВДИ за 1962 г. опубликована статья В. Ф. Гайдукевича¹, в которой в связи с работой С. Я. Лурье² вновь подробно рассматривается вопрос о восстании Савмака. Значительная часть статьи В. Ф. Гайдукевича (стр. 10—18) посвящена монетам, которые одни исследователи приписывают Савмаку, упоминаемому в декрете в честь Диофанта, а другие — колхскому царю Савлаку. В упомянутой работе В. Ф. Гайдукевич безоговорочно примыкает к первой группе исследователей³. Однако несмотря на то, что В. Ф. Гайдукевич рассматривает вопрос о монетах Савмака, по его собственному выражению, *ab ovo* (стр. 11), он, на наш взгляд, далеко не до конца исчерпал этот вопрос, а выводы его создают впечатление односторонности и тенденциозности. Между тем проблема, связанная с приписываемыми Савмаку монетами, имеет принципиальное значение и выходит далеко за рамки простой атрибуции группы монет.

Все сказанное заставляет вновь обратиться к монетам, приписываемым Савмаку. Поскольку история вопроса достаточно подробно изложена в статье В. Ф. Гайдукевича и наших работах, на ней в данной связи нет основания останавливаться⁴. Однако прежде чем обратиться к выяснению

¹ В. Ф. Гайдукевич, Еще о восстании Савмака, ВДИ, 1962, № 1, стр. 3—23.

² S. Lurje, Jeszcze o dekrecie ku czci Diofantosa, «Meander», 1959, № 2, стр. 67 слл.

³ Нам кажется методически неверным особо выделять в данном случае мнение А. Н. Зографа («Античные монеты», МИА, № 16, 1954, стр. 18), как это делает В. Ф. Гайдукевич (ук. соч., стр. 10), подчеркивая при этом, что «до сих пор почти все исследователи считали эти монеты чеканенными на Боспоре», так как А. Н. Зограф специально этими монетами не занимался. С таким же правом можно было бы указать, что Е. А. Пахомов высказал в 1949 г. (т. е. до появления наших работ по этому вопросу) прямо противоположное мнение: исходя из топографии монетных находок, он полагает, что владения Савмака «находились где-нибудь на Кавказском побережье, может быть, в Колхиде» и далее: «вероятно, в пределах Абхазской АССР» (Е. А. Пахомов, «Монетные клады Азербайджана и других республик, областей и краев Кавказа», вып. IV, Баку, 1949, стр. 12 сл.). В. Ф. Гайдукевич обходит молчанием и рецензию П. О. Карышковского («Еще раз о книге А. Н. Зографа «Античные монеты»», ВДИ, 1953, № 1, стр. 109), в которой автор сочувственно относится к мнению о колхском происхождении монет.

⁴ Библиография вопроса, приведенная В. Ф. Гайдукевичем, может быть дополнена следующими работами, специально посвященными восстанию Савмака: А. Г. Косяк, «Восстание Савмака» (автореферат диссертации), М., 1952; она же, «Восстание Савмака», УЗМОПИ, т. XXVIII, вып. 2, 1953, стр. 151 слл.

происхождения монет, приписываемых Савмаку, представляется целесообразным привести точное описание всех разновидностей монет такого рода⁵, что необходимо для дальнейшего изложения.

В настоящее время известно семь экземпляров монет, приписываемых Савмаку; они принадлежат трем типам:

I. ав: мужская голова в лучевой короне вправо;

рев: голова быка вправо, вверху и внизу ВАΣΙ...—ΣΑΥ...⁶,

впереди неясное изображение, принимаемое некоторыми исследователями за монограмму или тамгу⁷ (биллон, 1,04 г, Берлинский музей, табл. I, 1; биллон или медь, 1,65 г, ГИМ, табл. I, 2; биллон 1,17 г, ГИМ, табл. I, 3; биллон или медь, 1,56 г, ГИМ, табл. I, 4).

II. ав: мужская голова в лучевой короне вправо;

рев: цветок розы, вверху и внизу ВАΣΙΛ...—ΣΑΥ... (серебро⁸, 0,98 г, Берлинский музей, табл. I, 5).

III. ав: мужская голова в лучевой короне вправьмъ;

рев: крылатая молния, вверху и внизу ВА ΣΙ...—Σ ΑΥ...⁹ (медаль, 1,83 г, Берлинский музей, табл. I, 6; серебро? 1,75 г, Британский музей, табл. I, 7).

Из приведенного описания видно, что мы не знаем, как полно на монетах было написано имя царя; во всяком случае, одна из берлинских монет, на которой лучше, чем на других, сохранилась надпись, дает четыре буквы царского имени — ΣΑΥΛ, а от пятой (или от второй половины М) сохранилась лишь верхушка, точнее шарик, ограничивающий верхний конец буквы (табл. I, 1).

Ранее мы, вслед за А. Гутшмидтом¹⁰, допускали, что надпись на монете может быть восстановлена как ΣΑΥЛА, т. е. мы исходили из предположения о том, что фрагмент последнего знака не принадлежит М, а составляет самостоятельную букву А. Такое чтение надписи соответствует упомянутому Плинием (Nat. Hist., XXXIII, 52) имени легендарного царя колхов — Савлака, которое, естественно, могло быть принято и одним из колхских царей эллинистического периода. После того как экземпляр берлинской монеты, известный ранее по репродукции в указанной статье А. Заллата, стал доступен в слепке, В. Ф. Гайдукевич (стр.

⁵ Библиографические данные об этих монетах приведены в статье В. Ф. Гайдукевича; ср. также К. В. Голенко, О монетах, приписываемых Савмаку, ВДИ, 1951, № 4, стр. 199 слл.; он же, Новый тип монет царя Сав[лака], «Сообщения АН Грузинской ССР», т. XXV, № 4, 1960, стр. 123 слл.

⁶ По экземпляру лучшей сохранности (табл. I, 1); о четвертой букве имени царя на этой монете см. ниже.

⁷ См., например, А. Орешников, Экскурсы в область древней нумизматики Черноморского побережья, отд. отт. из НС, III, 1914, стр. 8; Э. И. Соловьев, Сарматские знаки Северного Причерноморья, Киев, 1959, стр. 166, № 157; Гайдукевич, ук. соч., стр. 11. Неясное, к сожалению, изображение перед головой быка не позволяет, на наш взгляд, говорить о нем достаточно определенно. Уверенность упомянутых исследователей основана, очевидно, на прорисовке монеты в статье А. Заллата (A. v. Sallate, Zur griechischen Numismatik, I, Saul... oder Saum..., ein kolchischer oder scythischer König, ZfN, III, 1876, стр. 59).

⁸ По-видимому, это единственный случай безусловно точного определения металла монеты. Применительно к другим монетам, вероятно, речь может идти о разной степени деградации низкопробного серебра. Наличие среди издаваемых монет фактически медных экземпляров едва ли позволяет сомневаться в том, что все они формально являлись серебряными монетами одного номинала (диоболы по А. Л. Бертье-Делагард, Материалы для весовых исследований монетных систем древнегреческих городов и царей Сарматии и Тавриды, НС, II, 1913, стр. 130, прим. 30). Проверка определения металла берлинских монет мы обязаны проф. А. Зуле, любезно предоставившему нам право публикации всех трех монет берлинского собрания.

⁹ По экземпляру берлинского собрания.

¹⁰ A. v. Gutschmidt, Saulakes, König von Kolchis, ZfN, III, 1876, стр. 150 слл.; ср. ВДИ, 1951, № 4.

12 слл.) счел возможным безоговорочно восстанавливать надпись на монете как содержащую имя Савмака. Однако ввиду того, что ни одна из монет такого рода не сохранила полного имени царя, нам представляется неверным категорически настаивать именно и только на таком восстановлении надписи. Не отрицая возможности чтения ее как ΣΑΥΜ или ΣΑΥΛΑ¹¹, можно допустить и другие варианты восстановления, например, ΣΑΥΛΤ, ΣΑΥΛΥ, чemu не противоречит надпись на берлинской монете. Кроме того, на наш взгляд, является методически неверным механически определять место чекана монет, основываясь лишь на предположительном чтении имени царя, игнорируя всю совокупность прочих наблюдений. Если учесть к тому же скучность источников по истории позднеэллинистического Боспора и еще большую бедность исторических свидетельств о Колхиде, едва ли правомерно будет ставить читателя перед альтернативой только двух вариантов чтения царского имени — Савмака из надписи в честь Диофанта и Савлака, упоминаемого Плинием, — ведь другими источниками близкие к ним имена не отмечены. Вместе с тем необходимо указать на поразительные совпадения в области боспорской и закавказской ономастики на рубеже I в. до н. э.—I в. н. э.¹².

Мы полагаем, что возможность безусловно правильного чтения царского имени на интересующих нас монетах представится лишь со временем, после появления новых экземпляров, сохранивших надпись полностью. В настоящее же время об этом можно высказывать лишь предположение. Однако в аргументации В. Ф. Гайдукевича доказательству невозможности чтения ΣΑΥΛΑ на монете берлинского собрания придается значение решающего доказательства.

Автор, к сожалению, полностью обошел молчанием особенности царского чекана на Боспоре в эллинистический период. Между тем рассмотрение монет, приписываемых Савмаку, в качестве боспорских, но вне связи с другими царскими монетами не будет правомерным.

К моменту восстания Савмака боспорское монетное дело прошло более чем четырехсотлетний путь. За это время успели сложиться характерные, ставшие традиционными черты боспорского чекана. Наиболее важной его особенностью явилось то обстоятельство, что основу денежного обращения составляла не царская, а городская (в основном пантикопейская) монета. Указанная особенность отражает традиционное представление о природе власти царя на Боспоре, который для жителей греческих городов в течение долгого времени оставался лишь архонтом, а царем именовался только по отношению к подвластным варварским племенам¹³. Несмотря на то, что архонтский титул исчезает в царских надписях еще в конце IV в. или в начале III в. до н. э., традиция не была изжита

¹¹ Несмотря на доводы, приведенные В. Ф. Гайдукевичем, второе начертание не исключено в том случае, когда лямбда и альфа сильно сужены для экономии места в конце надписи (обычное явление в монетной эпиграфике) и смежные их линии соприкасаются своими нижними концами. Прекрасным примером такого рода являются медные монеты Херсонеса, на которых долгое время имя магистрата ΒΟΛΛΙΩΝ читали как ΒΟΜΙΩΝ, т. е. две соседние лямбды, соприкасающиеся смежными линиями, были приняты за ми (А. В. Орешников, О монетных магистратах Херсонеса. Этюды по нумизматике Черноморского побережья, ИРАИМК, 1922, II, стр. 115). Аналогичный случай можно отметить и для надписей — см., например, надгробие из Херсонеса, где полностью сохранившееся имя умершего не читается определенно — Гемароклей или Геллароклей (А. П. Иванова, Херсонесские скульптурные надгробия с портретными изображениями, СА, VII, 1941, стр. 117).

¹² И. И. Толстой, Из области боспорской ономастики, ВДИ, 1955, № 1, стр. 12 слл.

¹³ См., например, А. В. Орешников, Босфор Киммерийский в эпоху Спартокидов по надписям и царским монетам, М., 1884; В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство, М.—Л., 1949, стр. 62 слл.

окончательно вплоть до римского времени. Так, например, титулом архонта пользовался в последней четверти III в. до н. э. Гигиенонт, известный только по клеймам на черепице и монетам¹⁴, а также Асандр в первые четыре года своего правления (47—44 гг. до н. э.). Монопольное положение на боспорском денежном рынке городская монета продолжала занимать и во II—I вв. до н. э.; начало регулярного чекана царского золота, по-видимому, нужно относить к последнему десятилетию I в. до н. э.; примерно тогда же начался и массовый выпуск меди с монограммой **BAE**¹⁵.

Что касается царской монеты II—I вв. до н. э., то ее чекан никогда не был регулярным и, что особенно важно, всегда имел особый характер. Наиболее ранними царскими монетами Боспора являются монеты трех типов, выпущенные в третьей четверти III в. до н. э. при Левконе II. Это единственный вид медных царских монет, чеканенных до Асандра, и они, безусловно, занимают особое место в истории денежного хозяйства Боспора. Не останавливаясь на гипотезе А. Н. Зографа (ук. соч., стр. 182), считавшего эту медь специальным выпуском для оплаты войска, следует поддержать предположение Д. Б. Шелова (ук. соч., стр. 151 слл.), который объясняет выпуск тщательно изготовленной серии медных монет высокого веса, качество которых гарантировано именем царя, как одну из успешных мер, при помощи которых пытались приостановить жестокий монетный кризис, охвативший города Северного Причерноморья и вызванный ломкой денежного обращения в III в. до н. э.¹⁶. Совместное обращение деградировавшей автономной пантакапейской меди и монет Левкона II, кстати, засвидетельствовано кладом, найденным в Анапе¹⁷.

Остальные монеты правителей Боспора представлены серебром и золотом. Известны лишь три серебряные монеты такого рода — одна с именем царя Спартока, две — с именем архонта Гигиенонта¹⁸. Уже сама их редкость заставляет рассматривать серебряный чекан боспорских правителей как эпизод, который не имел дальнейших последствий. Самая многочисленная группа монет боспорских правителей эллинистического периода представлена 12 (или 13) однотипными золотыми статерами с именами архонта Гигиенонта и царя Перисада (возможно, к ним нужно присоединить и уникальный статер Митридата VI из собрания Аулока, который Г. Клейнер склонен рассматривать в качестве боспорского¹⁹). Оставляя в стороне ряд вопросов, связанных с этими статерами, отметим лишь некоторые их особенности, важные в данной связи. Так, все эти монеты (кроме митридатовской) детально повторяют тип статеров Лисимаха, чеканенных в Византии; разница состоит лишь в имени правителя. Эти статеры относятся к периоду от последней четверти III в. до н. э. до конца II в. до н. э.²⁰, причем некоторые из них могут быть датированы

¹⁴ См., например, В. Шкорпил, К вопросу о времени правления архонта Гигиенонта, «Сб. статей в честь гр. А. А. Бобринского», СПб., 1911, стр. 37 слл.; Д. Б. Шелов, Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э., М., 1956, стр. 184 слл.

¹⁵ См., например, А. Л. Бертье-Делагард, О монетах властителей Босфора Киммерийского, определяемых монограммами, ЗООИД, XXIX, 1911, стр. 117 слл.; Зограф, ук. соч., стр. 193 слл.

¹⁶ П. О. Караковский, Из истории денежного обращения в Северном Причерноморье в III в. до н. э., ЗОАО, I, 1960, стр. 112 слл.

¹⁷ Д. Б. Шелов, Анапский клад монет 1954 г., НЭ, I, 1960, стр. 208 слл.

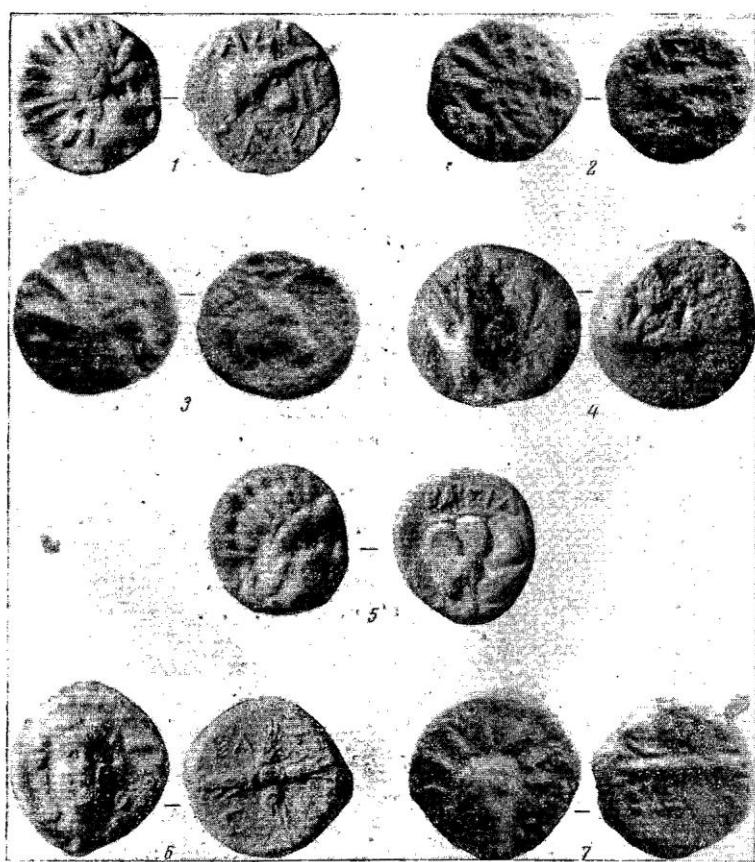
¹⁸ Он же, Монетное дело..., стр. 184 слл.

¹⁹ SNG, Deutschland, Sammlung v. Aulock, т. I, ч. 1—3, В., 1957, табл. I, 5. Статья Г. Клейнера в «Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Abt. Istanbul», 6 (1955), стр. 14, в которой аргументируется это положение, осталась нам недоступной.

²⁰ См., например, А. Орешников, Монеты Херсонеса Таврического, царей Боспора Киммерийского, Полемона IIPontийского, отд. отт. из НС, т. II, 1912, стр. 37 слл.; Зограф, ук. соч., стр. 184 слл.; Шелов, Монетное дело..., стр. 189.

Монеты в натуральную величину

то же — увеличено

Рис. 1.

временем правления последнего Спартокида, отрекшегося от власти и убитого Савмаком.

На наш взгляд, чекан боспорского золота преследовал прежде всего экономические цели. Объем выпуска статеров лисимаховского типа во II—I вв. до н. э. сильно сокращается²¹. Это обстоятельство заставило, очевидно, боспорских царей чеканить собственную монету, тип которой повторял тип привычных статеров, служивших основным платежным средством в Причерноморье. Естественно, что при этом имя Лисимаха было заменено именем боспорского царя, как это можно отметить также для статеров колхского царя Аки (см. Д. Г. Капанадзе, ВДИ, 1948, № 1, стр. 150 слл.) и тетрадрахм лисимаховского типа, чеканенных фракийскими династами.

Кроме перечисленных, боспорское денежное обращение к моменту восстания Савмака не знало иных категорий царских монет. Медь Левкона II, выпущенная примерно за полтора столетия до восстания, уже, очевидно, вышла из обращения. Вряд ли сохранилась в это время и память о серебряных монетах царя Спартока и архонта Гигиенонта; поэтому, по-видимому, единственной боспорской царской монетой, оставшейся в обращении к моменту восстания Савмака, были статеры Перисадов.

Признавая монеты, приписываемые Савмаку, боспорскими, мы будем вынуждены констатировать, что они, во-первых, дают единственный пример чекана царской боспорской монеты мелкого номинала и, во-вторых, являются единственным примером употребления одним царем разных типов для монет одного номинала; следует подчеркнуть, что употребление трех различных типов для монет Савмака, власть которого над Боспором была весьма кратковременной, вообще очень мало вероятно, тем более, что для городских боспорских монет эллинистического времени также характерна стабильность типологии для одновременных выпусков одного номинала. В этой связи нужно указать и на неоднородность трактовки изображений у однотипных монет, приписываемых Савмаку (ср. лицевые стороны монет 1—2 и 3; 6 и 7; обратные стороны 1 и 3) — признак, говорящий об известной продолжительности чекана монет.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что попытка связать эти монеты с Савмаком, упоминаемым в декрете в честь Диофанта, лишина основания. Эти монеты резко нарушают экономические, метрологические и типологические традиции боспорского монетного дела. Вряд ли можно придавать в этом отношении решающее значение и возможности отсутствия в боспорской казне запасов золота и серебра. Не говоря уже о том, что такое предположение является ничем не подтвержденной гипотезой, необходимо заметить, что для выпуска царских монет не требовалось слишком большого количества металла, которое можно было бы получить путем переплавки обращавшихся в это время сравнительно многочисленных серебряных монет II в. до н. э. и статеров лисимаховского типа.

Немаловажное значение для определения места чекана монет, приписываемых Савмаку, имеет анализ их типов. Эта сторона вопроса привлекла внимание В. Ф. Гайдукевича, который пришел к совершенно определенным выводам: «Весь репертуар типов, примененных на монетах Савмака,— пишет он,— восходит к серии типов, известных уже ранее на Боспоре. Стало быть, монеты Савмака обнаруживают явные генетические связи с традициями боспорского монетного дела. Наконец, и весовые их

²¹ См., например, Зограф, ук. соч., стр. 183 слл.

данные вполне соответствуют монетам малого номинала, выпускавшимся на Боспоре во II в. до н. э.» (стр. 16) ²².

Несмотря на всю категоричность приведенных утверждений В. Ф. Гайдукевича, они не могут быть признаны обоснованными. Типология лицевых сторон монет городов Боспора отличается вообще большой консервативностью. Так, на протяжении всего IV и первой половины III в. до н. э. в качестве типов аверса монет Пантикея почти исключительно употребляются головы сатиров, изредка Аполлона ²³. С середины III в. изображения головы Аполлона постепенно вытесняют сатиров. Исключений немного: по одному случаю — голова Посейдона, Афродиты (?), быка, в двух — Афины. Если вспомнить, что на всех монетах, приписываемых Савмаку, на лицевой стороне помещено изображение головы в радиальной короне ²⁴, то единственной аналогией в данной связи может служить горгиппийская драхма, где изображен Гелиос ²⁵. Однако имеются веские основания считать эту монету новейшей подделкой ²⁶. Но даже отвергая это мнение, как делает В. Ф. Гайдукевич (стр. 14), нельзя говорить о явных генетических связях приписываемых Савмаку монет «с традициями боспорского монетного дела». Впрочем, сравнение горгиппийской драхмы с занимающими нас монетами служит для В. Ф. Гайдукевича лишь второстепенным моментом в объяснении причины появления головы Гелиоса на монетах, приписываемых Савмаку. По его мнению, сходство движений Савмака и Аристоника позволяет предполагать, что на Боспоре по аналогии с Пергамом было создано «солнечное царство», что и нашло свое внешнее выражение в выборе изображения Гелиоса в качестве монетного типа. Эта не лишенная романтики гипотеза, на наш взгляд, совершенно лишена оснований. Дело не только в том, что идеология крымских скифов и утопические взгляды Ямбула, из романа которого, очевидно, пергамцы заимствовали представление о «солнечном государстве», были не настолько близкими, чтобы «идеи о „солнечном государстве“ вполне могли быть подхвачены на Боспоре» (стр. 18) примерно через 20 лет после восстания Аристоника. Гипотеза В. Ф. Гайдукевича бездоказательна прежде всего потому, что он игнорирует факт повсеместного употребления в эллинистическом мире в качестве аверсного типа изображений Гелиоса (или царей) в радиальной короне. Помимо уже указанных нами монет Селевкидов, близких по времени восстанию Сав-

²² Чтобы не возвращаться более к весу монет, отметим, что употребление одинаковых весовых стандартов и номиналов разными центрами в период позднего эллинизма является общеизвестным фактом.

²³ Исключение составляют лишь редкие пантикеевые тетрадрахмы с изображением Аполлона, чеканенные, по нашему мнению, в конце IV в. до н. э. (К. В. Голенико, К датировке пантикеевых тетрадрахм, КСИИМК, вып. 63, 1956, стр. 158 слл.).

²⁴ На монетах III типа (табл. I, 6—7) безусловно изображен Гелиос, скопированный с родосских монет. Что касается других типов, то там можно предполагать и царский портрет, судя по аналогии с другими царскими эллинистическими монетами, где почти всегда профильное изображение на лицевых сторонах золотых и серебряных монет принадлежит царю или членам его семьи. Среди селевкидских монет II в. встречаются и изображения царей в радиальной короне. Во всяком случае у нас нет оснований видеть Гелиоса на монетах всех типов, как это делает В. Ф. Гайдукевич (стр. 14).

²⁵ Впервые издал Х. Х. Гиль (Новые приобретения моего собрания, ИЗРАО, V, 1892, стр. 351, табл. V, 51); см. также Зограф, ук. соч., табл. XLII, 14; Шелов, Монетное дело..., табл. IX, 115.

²⁶ В этой монете неприятно поражают особенности, не имеющие аналогий в чекане II в. до н. э.: отличное качество металла, тщательность изготовления монетного кружка, сухость резца, ювелирная, излишне тщательная трактовка деталей типа, странный, чтобы не сказать больше, шрифт надписи и вместе с тем крайне неудачное исполнение головы Гелиоса. Все эти факты заставляют нас считать горгиппийскую драхму поддельной.

мака²⁷, в радиальной короне изображались, к примеру, на монетах: многие из Птоломеев.

Другие изображения на монетах, приписываемых Савмаку, не привлекли внимания В. Ф. Гайдукевича: в качестве единственной аналогии упомянуты лишь драхмы Фанагории²⁸, на которых, как и на берлинском уникуме (табл. I, 5), изображена роза. Этот пример, видимо, не смущает В. Ф. Гайдукевича, во всяком случае он,— впрочем, вслед за другими исследователями²⁹,— видит в выборе типа фанагорийских монет родосское влияние и не считает возможным рассматривать изображение розы как признак чисто боспорского происхождения монетного типа. Изображения быка и крылатой молнии на остальных монетах, приписываемых Савмаку, оставлены В. Ф. Гайдукевичем вообще без рассмотрения, так как, несмотря на разнообразие реверсных типов боспорских автономных монет, мы не найдем среди них изображения крылатой молнии, а головы быков, хотя они и воспроизводились на пантакапейских монетах довольно часто, встречаются на монетах последний раз в первой половине или в середине II в. до н. э.³⁰; кроме того, за исключением редких мелких медных монет, чеканенных еще в 340—330 гг. до н. э.³¹, они всегда даны в $\frac{3}{4}$ и в иконографическом отношении не имеют ничего общего с изображением быка на обратной стороне наиболее многочисленных из приписываемых Савмаку монет (табл. I, 1—4).

Таким образом, даже не принимая во внимание соображений, высказанных в связи с царским чеканом на Боспоре, типология монет, приписываемых Савмаку, при ближайшем рассмотрении не обнаруживает тех «генетических связей с традициями боспорского монетного дела», о которых так уверенно пишет В. Ф. Гайдукевич.

Едва ли существует необходимость и далее говорить о типах интересующих нас монет в связи с точкой зрения С. А. Жебелева и Ф. В. Гайдукевича. Уместно лишь заметить, что закономерное сопоставление монет, приписываемых Савмаку, с монетами Евна-Антиоха, вождя первого восстания рабов в Сицилии, не дает точек соприкосновения. Не более плодотворным оказывается и сравнение наших монет с монетами, чеканенными скифскими царями, типы которых в большинстве своем следуют монетной типологии греческих городов, где они выпущены, или даже обнаруживают местные скифские черты (например, всадник-скиф на монетах Атея, кочевничья повозка на меди Скилура).

В связи с этим вопрос о месте находок монет, приписываемых Савмаку, приобретает принципиальное значение. В занимающее нас время мелкая серебряная и медная монета, рассчитанная для мелких повседневных сделок, лишь в исключительных случаях выходила за границы основной сферы своего обращения, т. е. того города или государства, где она чеканилась³².

Мы знаем, что четыре из интересующих нас монет происходят из двух находок, сделанных в районе Сухуми и где-то «на восточном побережье Черного моря», т. е. в обоих случаях на территории древней Колхиды;

²⁷ Голенко, Новый тип монет..., стр. 126.

²⁸ См., например, Зограф, ук. соч., табл. XLII, 12; Шелов, Монетное дело..., табл. IX, 114.

²⁹ См., например, Шелов, Монетное дело..., стр. 201 слл.; он же, К истории связей эллинистического Боспора с Родосом, СА, т. XXVIII, 1958, стр. 333 слл.

³⁰ См., например, Шелов, Монетное дело..., стр. 168.

³¹ См., например, Зограф, ук. соч., табл. XL, 21; Шелов, там же, табл. IV, 51.

³² Единственным исключением для Северного Причерноморья служит монетная медь городов Понтийского царства времени Митридата VI, включившего Боспор в свою державу.

действительно, эти монеты приобретены Берлинским музеем и ГИМом вместе с колхидками. Тем не менее В. Ф. Гайдукевич, по-видимому, прав, предполагая, что в обоих случаях монеты, приписываемые Савмаку, не составляли единого комплекса с колхидками; на это указывает, пожалуй, не только неопределенность указаний, которыми располагали А. Заллет и А. В. Орешников³³, но и хронологический разрыв между монетами обоих видов. Вместе с тем нельзя совершенно отрицать значения имеющихся сведений о находках, объявив их «источником очень ненадежным» (стр. 16). Учитывая большую редкость монет, приписываемых Савмаку, очень трудно предположить в обоих случаях намеренное примешивание их к группам колхидок. Если бы нашедшие монеты предложили для продажи искусственно созданные группы, то вместе с колхидками естественно было бы встретить любые другие монеты, но не редчайшие монеты Савмака. Поэтому эти последние следует все же относить к числу находок на Кавказском побережье. Возможности находки интересующих нас монет в Западной Грузии не отрицают и В. Ф. Гайдукевич, который, однако, объясняет этот факт тем, что разбитые Диофантом боспорские повстанцы бежали в Колхиду и «захватили с собой остатки монетных запасов, чтобы они не попали в руки врага» (стр. 17). Чувствуя, по-видимому, необоснованность своего предположения, В. Ф. Гайдукевич пытается усилить свою аргументацию ссылкой на неоднократные находки на Боспоре колхской керамики и монет-колхидок, с одной стороны, и тем, что «в Закавказье боспорские монеты встречаются довольно часто» — с другой (стр. 17). При первом ознакомлении аргументация В. Ф. Гайдукевича создает в какой-то мере впечатление правдоподобности, но конкретное рассмотрение его доводов не способствует укреплению этого впечатления. Прежде всего, само предположение об эмиграции восставших в Колхиду лишено всякой вероятности. В самом деле, единственный имеющийся в нашем распоряжении источник вполне определенно называет участников восстания скифами (IOSPE, I², 352); поэтому логичнее всего предположить, что разбитые повстанцы, «спасаясь, — по выражению В. Ф. Гайдукевича, — от репрессий», должны были бы бежать в родные места, а не в далекую и чужую Колхиду. Более того, декрет в честь Диофанта не оставляет сомнения в том, что движение Савмака захватило лишь Восточный Крым; об участии в восстании жителей городов азиатского Боспора и местных синдо-меотских племен сведений нет. В связи с этим бегство восставших в Колхиду представляется весьма сомнительным и странным предприятием, тем более, что Колхида была присоединена к державе Митридата VI скорее всего еще до восстания Савмака. Да и как бы могли соратники Савмака попасть в Закавказье? Самый удобный — морской путь, надо полагать, контролировался Диофантом, который, согласно декрету в его честь, располагал не только сухопутными войсками, но и флотом. Что касается путешествия по побережью, то оно было невозможным и в силу того, что города азиатского Боспора не принимали участия в восстании, и в связи с тем, что племена северокавказского побережья, согласно характеристике античных авторов, отличались разбойничьей и пиратской деятельностью, носившей подчас характер регулярного промысла (ср. Strabo, XI, 2, 12; XVII, 3, 24). С большим трудом такое путешествие, но с юга на север, было, правда, проделано Митридатом VI после зимовки в Диоскуриаде в 66 г. до н. э. Однако едва ли возможно сравнение отступления хотя и потерпевшего поражение, но еще могущественного царя, поддерживаемого местными вождями, в единственны

³³ Salliet, ук. соч.; Орешников, Экскурсы..., стр. 6.

оставшиеся в его руках владения в Северном Причерноморье с бегством «спасавшихся от репрессий» восставших.

При ближайшем рассмотрении не более обоснованным становится и предположение о вывозе восставшими «остатков монетных запасов» и связанные с ним наблюдения над находками фрагментов колхских пифосов на боспорских городищах, с одной стороны, и находками боспорских монет в Колхиде — с другой. Как известно, колхская керамика была обнаружена впервые в Нимфе в слое второй половины VI в. до н. э., где найдены также две колхидки³⁴. Обломок позднейшего варианта колхского пифоса найден также в Мирмекии; он происходит из слоя IV—III вв. до н. э.³⁵. Иными словами, мы не располагаем археологическими материалами, указывающими на регулярное поступление колхских вещей на Боспор в эпоху, близкую восстанию Савмака, которое все согласно относят к последнему десятилетию II в. до н. э. Далее, если монеты, приписываемые Савмаку, рассматривать в качестве боспорских и согласиться с предположением В. Ф. Гайдукевича о вывозе «остатков монетных запасов» в Колхиду после подавления восстания, то в Западной Грузии были бы отмечены массовые находки боспорских монет II в. до н. э., например, серебряных драхм, чеканившихся в это время в немалом количестве. Между тем материалы находок опровергают утверждение В. Ф. Гайдукевича о распространенности боспорских монет в Закавказье. Мы знаем вообще лишь весьма ограниченное число боспорских монет, найденных в этом районе. Среди них прежде всего нужно отметить группу золотых монет Пантикея³⁶, найденную где-то в Западной Грузии. Решающей роли для подтверждения точки зрения В. Ф. Гайдукевича эти монеты играть не могут, так как относятся еще к IV в. до н. э., и, кроме того, судя по кладу из Принкипо (Принцевы острова), пантикеическое золото IV в. до н. э. не было ограничено только сферой боспорского денежного обращения и поступало на внешние рынки³⁷. Что касается медных пантикеических монет, то Д. Г. Капанадзе (ук. соч., стр. 143, №№ 4—5) в местных находках смог отметить только две такие монеты; обе они также относятся к IV в. до н. э., причем одна из них (из с. Бори) вообще не должна приниматься в расчет, так как при ближайшем рассмотрении она оказалась современной подделкой³⁸. Таким образом, в Закавказье, в том числе и на побережье Черного моря, не отмечено ни одного случая находки боспорских монет III—I вв. до н. э. В этом смысле не составляет исключения и период правления Митридата VI, при котором и Боспор, и Колхида были присоединены к державе pontийского царя, что, в частности, нашло отражение и в составе денежного обращения обеих областей, где значительное распространение получила монетная медь городов Pontийского царства³⁹.

³⁴ В. М. Суднова, Находки колхских монет и пифосов в Нимфе, ВДИ, 1952, № 2, стр. 238 слл.

³⁵ См., например, В. Ф. Гайдукевич, Раскопки Мирмекия в 1935—1938 гг., МИА, № 25, 1952, стр. 209.

³⁶ См., например, А. Н. Зограф, Античные золотые монеты Кавказа, ИГАИМК, вып. 110, 1935, стр. 187, №№ 8, 9; Д. Г. Капанадзе, К вопросу об экономических связях Северного и Восточного Причерноморья в античную эпоху по нумизматическим данным, сб. «Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху», М., 1959, стр. 143, №№ 1—3. К сожалению, обстоятельства и место находки этих золотых монет не ясны. Мы не можем даже сказать, все ли монеты происходят из одного клада, разошедшегося среди местного населения, или речь идет о двух кладах и не скольких единичных находках.

³⁷ К. Regling, Der griechische Goldschatz von Prinkipo, ZfN, XLI, 1931, стр. 1 слл.

³⁸ К этому выводу пришли Д. Г. Капанадзе и автор настоящей статьи.

³⁹ Нередкие находки медных монет Диоскуриады в Херсонесе и на боспорских городищах (Капанадзе, К вопросу..., стр. 147) не противоречат, казалось бы, пред-

Резюмируя все сказанное, придется констатировать, что из семи известных нам монет, приписываемых Савмаку, четыре найдены на территории древней Колхиды, где в то же время полностью отсутствуют находки боспорских монет эллинистического периода. К этому следует добавить, что, как остроумно заметил Д. Г. Капанадзе, несмотря на систематические раскопки боспорских городищ, дающие огромное число монетных находок, там не обнаружено ни одной монеты, приписываемой Савмаку⁴⁰. В Западной же Грузии, где эллинистические слои ни одного античного городища по существу еще не вскрыты, отмечена двукратная находка интересующих нас монет⁴¹. Таковы факты, и с ними необходимо считаться. Нам, во всяком случае, представляется, что то обстоятельство, что четыре из семи известных монет мелкого номинала происходят из двух находок в одном географическом районе, должно расцениваться как почти неопровергимое свидетельство о чеканке этих монет в месте их обнаружения.

Но мы располагаем и другими косвенными данными о колхском происхождении монет, приписываемых Савмаку. Речь идет о типологии этих монет.

Берлинский уникум с изображением розы на оборотной стороне (табл. I, 5) не оставляет сомнения в родосском влиянии, тем более, что и профильное, и фасовое изображение на лицевой стороне всех приписываемых Савмаку монет находят исчерпывающие аналогии в чекане Родоса. Как мы уже указывали, это несомненное родосское влияние противоречит определению наших монет как боспорских, так как достоверное заимствование в родосской типологии в монетном деле Боспора известно лишь для фанагорийских драхм. Вместе с тем использование родосских типов при эпизодическом чекане колхских царей вполне закономерно. Действительно, следствием активной торговли Родоса с Причерноморьем явилось широкое распространение в позднеэллинистический период родосской монетной системы в этом районе, а также факты заимствования в монетной типологии⁴².

Вместе с тем, учитывая, что реверсные изображения двух типов из трех, приписываемых Савмаку, не связаны с родосской монетной типологией, факт употребления для всех этих монет в качестве типа лицевой стороны головы, окруженной лучами, не представляется только результатом механического заимствования. Мы знаем несколько драхм 51 г. до н. э. колхского династа Аристарха⁴³, на которых он изображен в расположении, что в Колхиду понтийская монета поступала не из Малой Азии, а из пределов Боспора, где она имела широкое обращение. Однако эту мысль следует отбросить, поскольку в кавказских находках полностью отсутствуют очень многочисленные боспорские монеты I в. до н. э., среди которых видное место занимало и серебро.

⁴⁰ Д. Г. Капанадзе, Несколько добавочных замечаний по поводу статьи К. В. Голенко, ВДИ, 1951, № 4, стр. 204.

⁴¹ К сожалению, взгляды В. Ф. Гайдукевича на находки монет не отличаются строгой последовательностью. Так, факт отсутствия сведений о месте обнаружения трех (из семи) монет, приписываемых Савмаку, дал основание для вопроса: «... кто может поручиться, что они происходят не с территории Боспора?» (стр. 17). Буквально на той же странице (прим. 37), полемизируя с Д. Г. Капанадзе, В. Ф. Гайдукевич берется «назвать десятки известных типов боспорских монет», сведения о находках которых якобы не известны,— утверждение, несколько преувеличенное. Вместе с тем, учитывая массовость боспорского чекана, огромное число паспортных находок, а также тот факт, что интересующие нас монеты не являются золотыми или серебряными крупными номиналами, т. е. не принадлежат к категории монет, редко встречающихся при раскопках, отсутствие находок на Боспоре монет, приписываемых Савмаку, приобретает характер косвенного свидетельства об их небоспорском происхождении.

⁴² Об этих аналогиях см. Голенко, Новый тип монет..., 124 слл.

⁴³ См., например, О. Ретовский, Драхма Аристарха Колхидского из собрания Эрмитажа, ТМНО. т. III, вып. 2, 1903, стр. 1 слл.; J. K. Jenkins, Recent

диальной короне. Это обстоятельство лишний раз подчеркивает колхское происхождение наших монет и неслучайность выбора для них типа; оно не только свидетельствует о внешнем влиянии, но говорит и о связи с местными представлениями, поскольку историческая традиция возводит род колхских царей к Эту — сыну Гелиоса (например тот же легендарный Саулак Плиния назван потомком Эта).

Если не говорить о приписываемых Савмаку серебряных монетах, исключить статеры колхского царя Аки и многочисленные серии подражаний, тип которых заимствован у золотых монет Лисимаха или Александра, мы знаем вообще лишь две группы колхских монет — так называемые колхидки и упомянутые выше драхмы Аристарха. Таким образом, для сравнения с нашими монетами мы располагаем в колхском чекане несравненно более ограниченным материалом, чем в боспорском. Тем большее значение приобретает отмеченный факт употребления общего типа для аверсов драхм Аристарха и монет, приписываемых Савмаку. Наиболее распространенный реверсный тип последней группы монет (табл. I, 1—4) — голова быка, в свою очередь, является общим с колхидками. В иконографическом отношении эти изображения на монетах обеих категорий очень близки, чего нельзя сказать ни о каких боспорских монетах с изображением быка. Ввиду того, что выпуск колхидок прекратился еще в IV в. до н. э.⁴⁴, казалось бы, сравнение наших монет со столь ранними монетами так же неправомерно, как и сравнение их с ранним боспорским чеканом. Однако это противоречие окажется мнимым, если вспомнить, что мы оперируем неравнозначными величинами: постоянно эволюционирующее монетное дело развитого эллинистического государства, конечно, существенно отличается от племенного чекана, которому свойственна крайняя консервативность⁴⁵.

Независимо от того, когда перестали выпускать колхидки, эти монеты, судя по их обильным находкам, сохранялись в обращении долго и легко могли попасть в руки мастера, раздавшего штемпеля для монет, приписываемых Савмаку. Использована ли иконографическая схема реверсного типа колхидок для наших монет или нет, нумизматические памятники более позднего времени безусловно свидетельствуют о той важной роли, которая отводилась быку в идеологических представлениях местных племен⁴⁶.

Без аналогии (в том числе и в боспорском чекане) остается лишь изображение крылатой молнии на реверсе монет III типа (табл. I, 6—7). Источник заимствования не ясен, поскольку этот сюжет имел широкое распространение. Но нам кажется, что здесь более всего вероятно влияние чекана Селевкидов, в котором подобные реверсные изображения известны. Хотя В. Ф. Гайдукевич и называет предположение о сирийском влиянии «бездоказательными домыслами» (стр. 14), оно все же наиболее вероятно,

Acquisitions of Greek Coins by the British Museum, NC, 6 сер., XIX, 1959, стр. 32, № 13, табл. VI.

⁴⁴ К. В. Голенко, Клад синопских и колхидских монет из Кобулети, ВДИ, 1961, № 1, стр. 51.

⁴⁵ Денежное обращение античного Закавказья дает большое количество примеров подобной консервативности — например, статер Александра Македонского в комплексе I в. н. э. (Д. Г. Карападзе, Монетные находки Мцхетской экспедиции (1937—1948 и 1951 гг.), ВДИ, 1955, № 1, стр. 172), обращение подражаний этим монетам во II в. н. э. (Пахомов, ук. соч., № 1012), многочисленные случаи обнаружения денариев Августа в погребениях, датируемых не ранее II—III вв. (ср., например, Карападзе, Монетные находки..., стр. 162 слл., №№ 4, 15, 23, 24).

⁴⁶ Речь идет о подражаниях статерам Александра — на лицевой стороне некоторых монет этого вида, наряду с точками, помещено и миниатюрное изображение быка в фас (ср., например, Д. Г. Карападзе, Грузинская нумизматика, М., 1955, табл. I, № 13).

так же как и изображение царя в образе Гелиоса. Нужно помнить, что после монет Александра и Лисимаха серебро Селевкидов, предшествовавшее драхмам Аршакидов, имело широкое распространение в Закавказье. Укажем, например, на два очень крупных кавказских клада, зарытых в I в. до н. э., в которых преобладали монеты Селевкидов⁴⁷.

Если приведенные соображения в пользу колхского происхождения приписываемых Савмаку монет верны, то непримиримые сторонники теории С. А. Жебелева — В. Ф. Гайдукевича лишаются одного из двух источников по восстанию Савмака, который, пожалуй, не менее важен, чем декрет в честь Диофанта. Все рассуждения о «солнечном царстве» — государстве рабов — основаны исключительно на одной из возможных интерпретаций монетного материала, поскольку лишь монеты содержат намек на Гелиоса; не лишне подчеркнуть, что в херсонесской надписи Савмак царем не назван.

Крайняя скудость источников по социальной истории Северного Причерноморья, весьма значительная вероятность принадлежности приписываемых Савмаку монет колхскому чекану, доводы, приведенные С. Я. Лурье относительно истолкования терминологии декрета в честь Диофанта и, наконец, соображения В. Ф. Гайдукевича требуют, как нам кажется, более объективного и тщательного изучения вопроса о восстании Савмака в целом.

⁴⁷ Пахомов, Монетные клады..., вып. VI, Баку, 1954, № 1536; он же, Монеты Азербайджана, вып. I, Баку, 1959, стр. 7.